

Глава четвертая

ЗАЩИТА И ОБОСНОВАНИЕ ПЛЕХАНОВЫМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Философские произведения Плеханова возникли в процессе борьбы с противниками марксизма и поэтому несут на себе печать острой партийной борьбы в защиту марксистской философии. Полемизируя со всякого рода антимарксистами, Плеханов защищает и развивает дальше диалектический материализм, поясняет его универсальную научную значимость и более детально разрабатывает некоторые его стороны. Вопросы философии в указанный период он теснейшим образом связывает с политикой революционной социал-демократии. Это относится и к его устным выступлениям с рефератами за границей. «Торжествующая реакция, — писал Плеханов, — облекается у нас теперь, между прочим, и в философский наряд, как об этом свидетельствует, например, журнал „Вопросы философии и психологии“... Русским социалистам неизбежно придется считаться с этой философской реакцией, а следовательно, и заниматься философией. В этой области, как и в экономике, как и в политике, Маркс и Энгельс будут самыми надежными их руководителями».¹

В процессе полемики с народниками он раскрывает марксистское мировоззрение, применяя его к анализу экономических и социально-политических отношений России того времени. В борьбе с народничеством он дал цельное и систематическое изложение марксистской философии.

Излагая в блестящей форме основные положения марксистской философии, Плеханов вносит много нового в аргументацию марксизма, оттеняя впервые некоторые важные стороны его, а также заново разрабатывая отдельные вопросы.

В идейной борьбе с народниками большое значение имели такие произведения Плеханова, как «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова» (1889), «Философские и соци-

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 451.

альные воззрения К. Маркса» (1890), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891), примечания к книге Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1892), «Очерки по истории материализма» (1894) и особенно «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

Энгельс, получив от В. Засулич книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», писал автору 8 февраля 1895 г.: «Вера вручила мне Вашу книгу, за которую благодарю; я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большой успех уже то, что Вам удалось добиться ее издания в самой стране. Это еще один этап, и если даже нам не удастся удержать новую, только что завоеванную позицию, то все же это прецедент, лед сломан. Запрещение газеты „Русская жизнь“ уже, по-видимому, знаменует начало реакции».²

Об этой плехановской работе В. И. Ленин говорил, что на ней воспитывались целые поколения русских марксистов.

Книга Плеханова написана в духе воинствующей полемики. Впоследствии он указывал, что «по правде сказать, я не жалею о том, что детище мое уродилось таким задорным. Один из величайших мыслителей Греции утверждал, что „война есть всего отец и всего царь“.

«Я согласен с ним, поскольку это касается идейной войны: без нее, в самом деле, не родится в области идей ничего нового».³

Произведение Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» вскоре после выхода в свет было переведено на болгарский язык Г. И. Бакаловым. Последний в письме к Плеханову 23 марта 1896 г. сообщал: «Должно быть, Вы получили перевод „монист[ического] взгляда“. Эту книгу очень хорошо встретила вся интересующаяся общественной наукой молодежь. Теперь от меня хотят с многих сторон, чтобы я перевел Ваши статьи об Чернышевском».⁴

Защищая и проводя дальнейшую разработку основных положений марксистской философии, Плеханов подчеркивал, что она представляет собой совершенно новую философию, принципиально отличающуюся от всего предшествовавшего развития философской мысли. «Появление материалистической философии Маркса, — писал Плеханов, — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли».⁵

Плеханов отмечал принципиальное отличие современного материализма от старого материализма, что должно, по его словам,

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 338.

³ Группа «Освобождение труда», сб. № 5, М.—Л., 1926, стр. 4.

⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 294—295.

⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 450.

найти отражение в истории философии. «Диалектический метод — это самая характерная черта современного материализма; в этом его существенное отличие от старого, метафизического материализма XVIII века».⁶

Он справедливо отвергал тезис о том, будто философия Маркса является простым логическим следствием философии Гегеля. Это утверждение, говорил он, так же неверно, как и попытка отождествлять материализм Маркса с материалистической философией XVIII в.

И чтобы оценить все значение революции, которую Маркс совершил в философии, Плеханов предлагает проанализировать состояние материалистической философии XVIII в. Он приходит к выводу, что последней «была почти совершенно чужда идея эволюции в природе и в человеческом обществе».⁷

Именно отсутствие во взглядах французского материализма идеи эволюции, по мнению Плеханова, дало преимущество идеалистической философии XIX в. «Со своей стороны и идеалистическая философия нашего века, — замечает он, — оказалась неспособной разрешить проблему эволюции. Логические законы эволюции идеи — вот орудие, которое эта философия пускает в ход каждый раз, когда нужно выяснить законы эволюции вселенной и рода человеческого. Но логические законы эволюции идеи ничего не объясняют нам в природе и в обществе».⁸

Плеханов справедливо указывал, что только с созданием марксистской философии социализм приобрел свою настоящую теоретическую основу. «Все старые социалистические школы уже потому не могли дать требованиям пролетариата твердой научной основы, что они и сами ее не имели. В своих построениях социалисты первой половины XIX столетия исходили, говоря вообще, из учений французских материалистов о человеке и развитии его характера и способностей».⁹

Материалистическая философия Маркса опиралась в своей основе на данные эволюционной теории, поэтому Плеханов ссылается не только на диалектику Гегеля, но и на эволюционные идеи Канта и Лапласа, Ляйелля и Дарвина.

Раскрывая содержание диалектико-материалистической философии Маркса и Энгельса, Плеханов обращает внимание на то, что ее составной частью является и материалистическое понимание истории. «От Маркса, — подчеркивает он, — мы впервые получили материалистическую философию истории человечества».¹⁰

⁶ Там же, стр. 140.

⁷ Там же, стр. 450.

⁸ Там же, стр. 451.

⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, М., 1934, стр. 30.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 452.

Плеханов рассматривал материализм Маркса и Энгельса как исторический результат предшествовавшего прогрессивного развития философии и социологических учений. Однако это был и разрыв с предшествовавшим, но с удержанием прогрессивного в нем. В появлении философии марксизма Плеханов усматривал великую революцию, какую только знает человеческая мысль.

В этой связи он анализирует состояние предшествовавшей философской мысли и ставит вопрос о теоретических источниках марксистской философии, опираясь на положения, выдвинутые Энгельсом в своих философских трудах. Этому вопросу Плеханов посвящает ряд произведений, в том числе книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», имеющую в этом плане особенно важное значение.

В борьбе с народниками он вскрывает историческую преемственную связь марксистской философии с предшествовавшим развитием прогрессивной мысли человечества. Разработка этого вопроса несомненно составляет его значительную заслугу. Дело в том, что противники марксизма, в частности народники, во-первых, отрицали принципиально новый характер материализма Маркса и, во-вторых, положение о том, что марксизм является закономерным результатом многовекового развития человеческой мысли.

Проблемы исторической преемственной связи марксистской философии и предшествующей прогрессивной философской мысли Плеханов рассматривает в произведениях «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Очерки по истории материализма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». К этому вопросу в связи с анализом теоретических источников марксизма он обращался и впоследствии не раз.

Народники третировали материализм Маркса как узкое и одностороннее мировоззрение, будто бы повторяющее взгляды старых материалистов, а в вопросах метода — диалектику Гегеля. Отвечая народническим критикам, Плеханов доказывает прогрессивный характер французского материализма и материализма Фейербаха для своего времени и вместе с тем, вскрывая односторонность и недостатки старого материализма, показывает принципиально новое в материализме Маркса.

Что касается философии Гегеля, то Плеханов вскрывает внутреннюю противоречивость ее содержания, наличие в ней одновременно консервативных и революционных сторон. Ссылаясь на мнение Чернышевского, Плеханов отмечает два прогрессивных момента в философии Гегеля. «Знаете ли, читатель, — писал он, — какие отличительные черты гегелевой философии особенно нравились автору примечаний к Миллю? Ненависть к „субъективному мышлению“ и диалектический метод».¹¹

¹¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 153.

Эти черты были использованы Марксом и Энгельсом в борьбе против метафизики и субъективизма в философии. Но это использование, по мнению Плеханова, отнюдь не было механическим. В своем блестящем изложении гегелевской философии он раскрывает прогрессивное значение диалектического метода Гегеля, одновременно подчеркивая его прямую противоположность марксистской диалектике.

В Примечаниях к книге Энгельса «Людвиг Фейербах...» Плеханов раскрывает сущность марксистского материализма, его принципиальные положения. В этой связи он подвергал критике позицию объективного и субъективного идеализма, особенно взгляды Канта и его новейших последователей. Критикуя основные положения философии Канта, он обосновывает объективность пространства времени, причинности и приходит к заключению, что философия Канта должна быть отвергнута, как совершенно несогласуемая с современной наукой. Только материализм Маркса и Энгельса находится в полном согласии с научным знанием и всей практикой человека. «Идеализм, — писал Плеханов, — говорит: без субъекта нет объекта. История земли показывает, что объект существовал гораздо раньше, чем появился субъект, т. е. гораздо раньше, чем появились организмы, обладающие заметною степенью сознания. Идеалист говорит: рассудок диктует природе ее законы. История органического мира показывает, что „рассудок“ появляется лишь на высокой ступени лестницы развития. А так как это развитие может быть объяснено только законами природы, то выходит, что природа продиктовала рассудку его законы».¹²

Касаясь скептицизма Юма, Плеханов указывал, что материализм в полном соответствии с действительностью не противопоставляет человека с его сознанием природе, а объясняет его из ее объективных законов развития. «Основной философский вопрос, — замечает Плеханов, — решается не противопоставлением „я“ „не-я“, т. е. внешнему миру: такое противопоставление способно завести лишь в тупой переулочек абсурда. Для решения названного вопроса необходимо выступить за пределы „я“ и рассмотреть, как относится „он“ (организм, обладающий сознанием) к окружающему его внешнему миру. Но как только вопрос принимает этот — единственный рациональный — вид, тотчас же становится очевидно, что „субъект“ вообще, а следовательно и мое „я“, не только не диктует законов объективному миру, но представляет собою лишь составную часть этого мира, рассматриваемую с другой стороны, со стороны мысли».¹³

В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов, отмечая коренное различие материализма и идеализма, писал, что в общеполитическом смысле «Материализм

¹² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 485.

¹³ Там же, стр. 487.

есть прямая противоположность идеализма. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами материи, той или другой организацией человеческого или вообще животного тела. Все те философы, в глазах которых первичным фактором является материя, принадлежат к лагерю материалистов; все же те, которые считают таким фактором дух, — идеалисты».¹⁴

В своей полемике с К. Шмидтом Плеханов подчеркивал, что материя является абстракцией, отражающей реальность действующих на наши чувства явлений природы. В первоначальной редакции статьи «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» он писал: «Знает ли господин Шмидт, чем была материя для материалиста Гоббса? Eine Abstraction des denkenden Subjekts. Тем же самым является материя и для меня. Но откуда же явилась эта абстракция? Она явилась как результат действия на меня вещей, существующих независимо от моей Intelligenz (вещей в себе). Но где же существуют эти вещи? Так как я не субъективный идеалист и так как, кроме того, я рассуждаю ernsthaft, то я говорю: они существуют вне меня».¹⁵

Касаясь принципиального отличия материализма Маркса—Энгельса от прошлого материализма, Плеханов подчеркивал, что главным его отличием является диалектический характер. Бессилие старого материализма перед вопросами развития в природе и истории делало очень бедным его философское содержание. «Французский материализм, — писал Плеханов, — обнаруживал поразительную, просто мало вероятную ныне, слабость всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с вопросами развития в природе или истории».¹⁶ Именно это обстоятельство и дало возможность диалектическому идеализму временно восторжествовать в истории философии. Гегель внес в философию идею диалектического развития, но идеалистическое содержание его философии приходило в противоречие с действительностью и развитием научного знания. Только марксистская диалектика разрешила это противоречие.

В этой связи Плеханов писал: «Несостоятельность идеалистической точки зрения в деле объяснения явлений природы и общественного развития должна была заставить и действительно заставила мыслящих людей... вернуться к материалистическому взгляду на мир. Но новый материализм не мог уже быть простым

¹⁴ Там же, стр. 509.

¹⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, М., 1938, стр. 67—68.

¹⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 564.

повторением учений французских материалистов конца XVIII века. Материализм воскрес, обогащенный всеми приобретениями идеализма. Важнейшим из этих приобретений был *диалектический метод*, рассмотрение явлений в их развитии, в их возникновении и уничтожении. Гениальным представителем этого нового направления был *Карл Маркс*.¹⁷

Плеханов один из первых употребил термин «диалектический материализм» для обозначения философского мировоззрения Маркса. «Мы, — писал он, — употребляем термин „диалектический материализм“, который один только и может правильно характеризовать философию Маркса. Гольбах и Гельвеций были материалистами-метафизиками... Их материализм уступил место диалектическому идеализму, который в свою очередь был побежден диалектическим материализмом. Выражение „экономический материализм“ крайне неудачно. Маркс никогда не называл себя экономическим материалистом».¹⁸

В своих философских произведениях Плеханов в связи с принципиально новым характером материализма Маркса рассматривает важнейшие проблемы: учение о познании и диалектический метод. Однако в решении этих вопросов он ограничился преимущественно популяризацией положений Маркса и Энгельса. В этой части марксистской философии Плеханов сделал сравнительно немного. Историческое значение его произведений в области диалектического материализма заключается в том, что он, защищая от противников марксизма материалистическую философию, оттенял некоторые ее стороны, развивал новую аргументацию, разоблачал философский идеализм как идеологическое облачение буржуазии.

В ходе борьбы с идеализмом в его различных формах (берклеванство, юмизм, кантианство, шеллингианство, гегельянство, современные виды позитивизма) Плеханов разъяснял и анализировал учение марксизма о познании. Опровергая субъективно-идеалистическое понимание мира, времени, пространства, причинности, он писал, что исходный пункт нашего познания — материя. Наши ощущения, представления и понятия о явлениях внешнего мира имеют объективное содержание. «Диалектика наших понятий объясняется только диалектикой внешней природы».¹⁹

Плеханов раскрывает положение марксизма о субъективной диалектике, отражающей объективную диалектику вещей. В рецензии на книгу Масарика «Философские и социологические основания марксизма» он писал: «Если наши понятия представляют собою „отражения“ процессов, совершающихся в природе, то они не могут быть лишены диалектического элемента. Кто признает

¹⁷ Там же, стр. 602.

¹⁸ Там же, стр. 691.

¹⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 131.

существование в природе диалектических процессов, тот *вынужден* признавать „субъективную диалектику“».²⁰

В борьбе с субъективными идеалистами типа Беркли, юмистами и кантианцами Плеханов обосновывает объективность содержания нашего познания. Это составляет в известной степени его заслугу. Он дал обстоятельную и всестороннюю критику агностицизма кантианцев и юмистов, отрицающих достоверность истины или сомневавшихся в возможности познания мира. Ссылаясь на современное естествознание, в частности на взгляды физиолога Сеченова, и отвергая доводы субъективистов и агностиков, Плеханов приводил следующий довод «...если *железо* при различных температурах имеет различный цвет, то на это есть объективная причина, не зависящая от свойств моей „духовной“ организации».²¹

Подчеркивая объективность вещей и их форму бытия — пространство, он отмечал, что «вещи сами по себе никакого „вида“ не имеют. Их „вид“ существует только в сознании тех субъектов, на которых они действуют».²² Но этот «вид» имеет объективную основу. Вещи, как и их формы бытия — пространство, время, причинность, — не зависят от сознания. «Поэтому противопоставлять их „вид“ — как он существует в нашем сознании — тому их „виду“, какой они будто бы имеют в самом деле, — значит не отдавать себе отчета в том, какое понятие связывается со словом: вид. На такой неточной терминологии основывается, как сказано выше, вся „гносеологическая“ схоластика кантианства».²³

Плеханов приводит против агностиков и тот довод, что если человек и улитка по-разному «воспринимают» внешний мир в силу различий в устройстве своих организмов, то это не означает, что свойства внешнего мира имеют только субъективное значение. «Если человек и улитка движутся от точки А к точке В, то и для человека и для улитки прямая линия одинаково будет кратчайшим расстоянием между этими точками: если бы оба эти организма пошли по ломаной линии, то им пришлось бы затратить больше работы на свое передвижение. Значит, свойства пространства имеют также объективное значение, хотя и представляются различно организмам, стоящим на различных ступенях развития».²⁴

Касаясь отличия своей позиции от позиции старого материализма, Плеханов в письме к Аксельроду от 14 апреля 1899 г. выдвигает следующее положение: «Материалисты говорили: мы знаем вещи в себе, поскольку они на нас действуют, а как они

²⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 673.

²¹ Там же, т. I, стр. 480.

²² Там же, стр. 481.

²³ Там же, стр. 480.

²⁴ Там же, стр. 481.

выглядят независимо от нас, нам неизвестно. Я прибавляю к этому (в первой статье против Шмидта), что нелепа самая постановка вопроса: знать, как вещи выглядят, когда нет глядящего иначе: знать, как действовали бы они на мои органы в том случае, если бы они на них не действовали.²⁵

В своем опровержении субъективного идеализма и агностицизма в учении о познании Плеханов противопоставляет им теорию современного естествознания о развитии, которая, по его выражению, «обнаруживает истину материализма».²⁶ При этом он ссылается на данные геологии, биологии и физиологии. «Перенесем мысленно в ту эпоху, — писал, например, он против теории познания Канта, — когда на земле существовали только весьма отдаленные предки человека, — например, во вторичную эпоху. Спрашивается, как обстояло тогда дело с пространством, временем и с причинностью? Чьими субъективными формами были они в то время? Субъективными формами ихтиозавров? И чей рассудок диктовал тогда свои законы природе? Рассудок археоптерикса? На эти вопросы философия Канта не может дать ответа. И она должна быть отвергнута, как совершенно несогласимая с современной наукой».²⁷

В своей критике кантианской и юмистской философии Плеханов нередко обращался к использованию логических доводов. «Развитие, — замечает он, — совершается во времени, а между тем, по Канту, время есть только субъективная форма созерцания. Если я придерживаюсь философии Канта, то я противоречу сам себе, говоря о том, что было до меня, т. е. тогда, когда не было меня, а значит, также и форм моего созерцания: пространства и времени. Правда, из этого затруднения ученики Канта пытались выйти с помощью указания на то, что у Канта речь идет о формах созерцания и мышления не отдельного человека, а всего человечества. Но это указание ничему не помогает, а только создает новые затруднения».²⁸

Критикуя кантианство и махизм, а еще ранее эклектизм народников, Плеханов делает следующие выводы: «Объект не перестает существовать и тогда, когда субъекта еще нет или когда уже прекратилось его существование».²⁹ Материя является источником ощущений. «Никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит, нет и быть не может».³⁰ Материя, во-первых, «познаваема, а во-вторых, познана человечеством в той самой мере, в какой ему удалось

²⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, стр. 314—315.

²⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 485.

²⁷ Там же, стр. 484—485.

²⁸ Там же, стр. 483—484.

²⁹ Там же, т. III, М., 1957, стр. 234.

³⁰ Там же, стр. 236.

ознакомиться с ее свойствами благодаря впечатлениям, полученным им от нее в длинном процессе своего зоологического и исторического существования».³¹

При рассмотрении вопроса о природе ощущений и представлений Плеханов в 1899 г. в статье «Еще раз материализм» выдвинул ошибочный тезис о том, что наши представления о формах и отношениях вещей не более как иероглифы. Правда, при этом он добавлял, что «эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучать действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них».³²

Плеханов говорил, что он употребил термин «иероглиф» вслед за Сеченовым (статья «Предметная мысль и действительность»). Следует, однако, заметить, что это заявление неточно. Дело в том, что Сеченов в упомянутой статье, употребив термин «условный знак», вместе с тем с достаточной определенностью указывал, что «чувствуемому нами сходству и различию знаков соответствует сходство и различие действительные. Другими словами, сходство и различия, находимые человеком между чувствуемыми предметами, суть сходства и различия действительные».³³

Ошибочную формулировку Плеханова использовали его противники из неокантианского и махистского лагеря (К. Шмидт, Базаров, Богданов и др.). «Например, — замечал В. И. Ленин, — наши махисты, желающие быть марксистами, набросились с особенной радостью на плехановские „иероглифы“, т. е. на теорию, по которой ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображения их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п.»³⁴

Понимая необходимость исправления своей формулировки, искажающей основной принцип теории отражения, Плеханов в 1905 г. указывал, что употребление «несколько двусмысленной терминологии» было ошибочным. Свою ошибку он квалифицировал всего лишь как терминологическую неточность.

Но вопрос о понимании природы ощущений и представлений не мог быть сведен только к терминологическому спору. Как показал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», «Плеханов сделал явную ошибку при изложении материализма».³⁵

На примере Гельмгольца В. И. Ленин показывает суть этой ошибки: налицо отступление от материализма путем уступки агностицизму — ощущения и представления, по мнению сторонников этой точки зрения, не образ, не копия вещей, а лишь символ, иероглиф. «Если ощущения, — писал В. И. Ленин, — не суть об-

³¹ Там же.

³² Там же, т. II, стр. 447.

³³ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, Госполитиздат, 1947, стр. 359.

³⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 219—220.

³⁵ Там же, стр. 226.

разы вещей, а только знаки или символы, не имеющие „никакого сходства“ с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков и символов. Гельмгольц вслед за Кантом покусается провести подобие принципиальной грани между „явлением“ и „вещью в себе“.³⁶

Гносеологическая ошибка Плеханова заключалась в неправильном объяснении ощущений и представлений. Следующий пример, взятый им некритически у агностика Г. Спенсера, по его словам, может иллюстрировать в познании соотношение ощущения субъекта с объектом: «Представим себе цилиндр и куб. Цилиндр есть субъект; куб — объект. Тень, падающая от куба на цилиндр, есть представление. Эта тень совсем не похожа на куб: *прямые линии* куба являются в ней *ломаными*; его *плоские* поверхности *выгнутыми*. И, несмотря на это, каждому изменению куба будет соответствовать изменение его тени. Мы можем предположить, что нечто подобное происходит в процессе образования представлений. Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта, совсем не похожи на этот последний, как не похожи они и на субъекта, — но тем не менее *каждому изменению в объекте соответствует изменение его действия на субъект*».³⁷

Свое согласие с неправильным примером Спенсера Плеханов дополняет ошибочным тезисом: «Теория познания Спенсера, — в тех границах, в которых я пользуюсь ею здесь, — составляет лишь дальнейшее развитие идей французских материалистов восемнадцатого столетия».³⁸

Ошибка Плеханова вскрывает нам то обстоятельство, что он в своих произведениях нигде не квалифицирует теорию познания как теорию отражения. Если исходить из признания, что ощущения и представления суть не образы, копии вещей, а только иероглифы (хотя бы имеющие свой источник в вещах), то тогда отпадает вопрос об анализе форм отражения внешнего мира. Вот почему положения Плеханова в области теории познания характеризуются абстрактностью, бедны даже по сравнению с мыслями Фейербаха, которые, как известно, высоко ценил В. И. Ленин в плане рассматриваемой проблемы.

Плеханов преимущественно анализирует вопрос об исходном положении материалистической теории познания, а также о познаваемости внешнего мира и в этой связи правильно критикует объективный и субъективный идеализм, правильно разъясняет

³⁶ Там же, стр. 222.

³⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 437—438.

³⁸ Там же, стр. 438.

важнейшие положения диалектического материализма. Исходным началом познания, указывал он, является внешний мир. Наши ощущения и представления о вещах дают нам объективную истину. Опыт и наука доказывают, что объект существовал до субъекта.

В примечаниях к книге Энгельса «Людвиг Фейербах...» Плеханов, как указывалось выше, подверг доказательной критике юмизм и кантианство в учении о познании.

Опираясь на научную теорию развития и опыт человечества, Плеханов опровергает все «логические доводы» субъективных идеалистов — Канта, Юма и др. Он подчеркивает, что формы нашего мышления — причинность, взаимодействие, существование, необходимость — вполне соответствуют отношениям, существующим между вещами. «В действительности, — писал Плеханов, — основные формы нашего мышления не только вполне соответствуют тем отношениям, которые существуют между вещами в себе, но и не могут не соответствовать им, потому что иначе сделалось бы невозможным наше существование вообще, а следовательно, и существование наших „форм мышления“».³⁹

Предпочитая говорить в общей форме о соответствии ощущений, представлений и понятий вещам внешнего мира, Плеханов ввиду своей ошибки по вопросу о природе отражения в нашем сознании внешнего мира, как мы уже сказали, устранился тем самым от анализа и, следовательно, разработки теории отражения. Между тем только на базе точного и принципиального заключения об отражении в сознании вещей внешнего мира можно было дальше двигать философскую науку. Это со всей убедительностью показал В. И. Ленин в произведении «Материализм и эмпириокритицизм».

В. И. Ленин разрабатывает учение об отражении как центральный пункт диалектико-материалистической теории познания. Он говорит об ощущениях и понятиях как о снимках, копиях действительных вещей. Ему принадлежит глубокий анализ ощущения как субъективного образа материального мира.

Со всей обстоятельностью в ленинской работе доказывается, что ощущение является связью сознания с внешним миром, и выясняются особенности ощущения как отражательного процесса. Возникновение ощущений есть результат взаимодействия организма со средой. Сигнальная функция отражения представляет собой форму связи организма с окружающей средой.

Вот этого не понимал Плеханов. Его учение об ощущении и представлении как иероглифах, будучи глубоко ошибочным, приводило к неприемлемым для материализма, к ошибочным формулировкам в его выступлениях против неокантианцев и юмистов. Эти формулировки означали уступки агностицизму. Например, по

³⁹ Там же, стр. 486.

поводу тезиса Юма о том, что человек должен верить в существование внешнего мира, Плеханов замечает: «Нам, материалистам, остается прибавить, что такая „вера“ составляет необходимое предварительное условие мышления *критического* в лучшем смысле этого слова, что она есть неизбежное *salto vitale* философии».⁴⁰

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» замечает, что Плеханов «написал действительно несуразную фразу, будто „вера“ в существование внешнего мира „есть неизбежное *salto vitale*...“».⁴¹

В своей полемике с Бернштейном и К. Шмидтом Плеханов допустил ошибочную формулировку о непознаваемости сущности материи. Касаясь тезиса Канта о непознаваемости «вещи в себе» и ее воздействии на нас, он приходит к следующему неверному утверждению: «...положение Канта не может быть поддержано. Все, что в нем есть верного, уже было высказано французскими материалистами до Канта: сущность материи для нас непонятна (*incompréhensible*), мы постигаем ее только сообразно ее воздействию на нас».⁴²

Правда, вслед за этим Плеханов развивает совершенно правильный взгляд на кантовское «непознаваемое»: «„Непознаваемое“ Канта оставляет широко открытую дверь *мистицизму*. В моей немецкой книге „*Beiträge zur Geschichte des Materialismus*“ я показал, что непознаваемое не что иное, как бог, схоластический бог. Наоборот, *материя*, постигаемая нами сообразно ее воздействию на нас, совершенно исключает всякое *теологическое* толкование. Это — революционное понятие, и оно именно потому не нравится буржуазии, которая предпочитает, и весьма предпочитает, агностицизм Канта и наших современных неокантианцев».⁴³

Гносеологические корни ошибочных формулировок Плеханова заключаются, во-первых, в неумении раскрыть важное марксистское положение о том, что ощущение и представление являются субъективным образом объективной вещи, в неумении понять диалектику субъекта и объекта. Во-вторых, он не понял всей сложности диалектики абсолютного и относительного в познании. Все это и объясняет, почему Плеханов не обратил внимания на вопрос о единстве теории познания и диалектики.

Защищая материалистическую теорию познания и раскрывая ненаучный характер идеализма и агностицизма в вопросах познания, Плеханов развивал марксистское положение об объективной истине. Он подверг критике Михайловского, Кареева и др., отстаивавших тезис о субъективности истины. Субъективисты ограничивают познание человека. «Диалектический материализм, —

⁴⁰ Там же, стр. 487.

⁴¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 128.

⁴² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 340.

⁴³ Там же, стр. 341.

писал Плеханов, — не ограничивает, подобно субъективизму, права человеческого разума. Он знает, что права разума необъятны и неограниченны, как и его силы. Он говорит: все, что есть разумного в человеческой голове, т. е. все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности».⁴⁴

Субъективистскому взгляду на истину Плеханов противопоставлял концепцию марксизма. «Критерий истины, — писал он, — лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня. *Истинны* взгляды, правильно представляющие эти отношения; *ошибочны* взгляды, искажающие их. *Истинна* та естественнонаучная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы; *истинно* то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху».⁴⁵

Развивая вопрос об истине, Плеханов воспроизводит марксистское положение о практике как критерии правильного отображения в сознании человека действительности. Опыт и производство человека опровергают положение Канта и его последователей о непознаваемости внешнего мира. Энгельс, замечает Плеханов, был безусловно прав, когда сказал, что учение о непознаваемости внешнего мира лучше всего опровергается опытом и промышленностью. «Всякий опыт и всякое производительное действие человека представляет собою *активное* его отношение ко внешнему миру, намеренное вызывание известных явлений».⁴⁶

Развивая марксистскую точку зрения, Плеханов рассматривает истину как правильное соответствие действительности. Истину надо отыскивать не в сфере субъективных идей, а в соответствии идей объективным отношениям действительности. Ее критерий находится не в сознании, а в отношениях, существующих вне его. Путь отыскания объективной истины не является прямым. Только в результате познания противоречий действительности человек приходит к объективной истине. Этому не хотели понять субъективисты. Им было чуждо понимание диалектико-материалистических противоречий общественной жизни.

Проблему истины Плеханов рассматривал лишь в общем плане, преимущественно сосредоточив внимание на раскрытии ее объективного содержания и подчеркнув ее конкретный характер. Отсутствие глубокого понимания сущности теории отражения и ошибки иероглифического характера мешали Плеханову развить вопрос об истине.

Честь дальнейшего развития этой проблемы принадлежит, как известно, В. И. Ленину, который в «Материализме и эмпирио-

⁴⁴ Там же, т. I, стр. 692.

⁴⁵ Там же, стр. 671.

⁴⁶ Там же, стр. 485.

критицизме», «Философских тетрадах» и других работах конкретизирует марксистское учение об истине. Он подчеркивает неразрывную связь проблемы истины с вопросом об отражении материального мира. «Быть материалистом, — писал В. И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств».⁴⁷

Этот ленинский тезис приобретает исключительное значение в опровержении агностицизма. Диалектическая постановка вопроса об ощущении как субъективном образе объективной действительности служит величайшим теоретическим оружием против субъективизма и догматизма.

Исходя из теории отражения, В. И. Ленин развивает диалектический характер отражения и проблему абсолютного и относительного в познании. Именно эта проблема нередко становилась камнем преткновения для Плеханова, например при решении вопроса о теории познания французских материалистов, в критике кантианского агностицизма и пр.

В теории познания Плеханов не смог продвинуться ни на шаг вперед. Между тем необходимость разработки ее различных сторон была очевидной. Дело в том, что неокантианцы и несколько позже махисты как раз специализировались на вопросах гносеологии с целью опровержения марксистского материализма. Чтобы разбить доводы этих противников материализма, требовалось более глубоко проанализировать теорию познания диалектического материализма.

Этого не мог сделать Плеханов.

В. И. Ленин, подчеркивая ограниченность взглядов Плеханова в вопросах теории познания, замечает: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах».⁴⁸

Между тем задача марксистов и заключалась в разработке этой стороны проблемы. Без ее анализа нельзя было раскрыть диалектический процесс познания, значения диалектических категорий в познавательном процессе и практики в познании.

Вопрос о том, к каким теоретическим ошибкам приводило отсутствие понимания теории познания как диалектики, мы рассмотрим позже — в другой связи.

Все указанные выше проблемы разработал В. И. Ленин, вскрывший всю сложность процесса познания, весь его противоречивый характер. Начало познания, указывал он, лежит в различных формах чувственного восприятия, его дальнейшее развитие есть абстрактное мышление и затем переход к практике.

⁴⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 120.

⁴⁸ В. И. Ленин, Философские тетради. ОГИЗ, 1947, стр. 329.

Исключительное значение имеет ленинский анализ роли понятий и категорий в процессе абстрактного мышления. В образовании абстрактных понятий и категорий Ленин усматривает процесс глубокого познания закономерной связи мира. Учение о познании и содержании логических категорий в их движении и переходах, т. е. диалектическая логика, отражает объективный диалектический процесс развития природы и общества. В этом смысле диалектика, логика и теория познания совпадают.

Плеханов в своих произведениях не поднимает указанные вопросы. Теория познания излагается им в целом неглубоко, поверхностно. Пожалуй, три принципиальных недостатка характерны для решения Плехановым вопросов марксистской теории познания: 1) отсутствие анализа теории отражения, а в связи с этим отдельные ошибки (в плане «теории иероглифов»); 2) непонимание диалектики как теории познания; 3) недостаточное внимание к теоретической разработке вопроса о роли практики в процессе познания.

Опровергая метафизический подход народников и ревизионистов к познанию и отстаивая тезис марксизма о значении практики, Плеханов недостаточно обращал внимания на роль практики для процесса познания. Эта проблема не получила у него разработки. Возможно, именно вследствие этого он допустил ошибки по вопросу об отражении в сознании явлений окружающего мира.

Плеханов ограничивался лишь изложением общих взглядов Энгельса на роль практики в познании, подчеркивая их значение для опровержения взглядов субъективных идеалистов и агностиков. Между тем перед теорией познания диалектического материализма в этот период вставала задача исследовать проблему практики во всем ее теоретическом содержании и значении.

Как известно, В. И. Ленину и принадлежит историческая заслуга целостной разработки вопроса о значении практики в марксистской теории познания. Он показал, что практика составляет основу познания, является исходным пунктом познания, его критерием и заключительным моментом. Практическая деятельность человека, взятая в его конкретной общественно-исторической форме, пронизывает весь ход познания им объективного мира.

Сильной стороной теоретической деятельности Плеханова являлась популяризация диалектического метода марксизма, а также применение его к объяснению некоторых сторон общественного развития России и революционного движения в стране в 80-е и 90-е годы XIX в. В своих работах «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в статьях, направленных против Бернштейна, К. Шмидта, Струве, Плеханов анализирует

диалектический метод, разъясняет его научное значение и роль для практики революционного движения рабочего класса.

В ходе борьбы с народниками, стремившимися всячески отождествить диалектику Маркса с диалектикой Гегеля, Плеханов прежде всего показывает коренное отличие первой от последней. «Диалектический метод, — писал он, — это самое главное научное орудие, которое досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму.

«Однако материализм не мог воспользоваться диалектикой в ее идеалистическом виде. Необходимо было прежде всего освободить ее от мистического покрова.

«Величайший из всех материалистов, человек, который ничуть не уступал Гегелю в гениальной силе ума, настоящий последователь философа, *Карл Маркс* сказал о себе с полным правом, что его метод представляет собою полную противоположность методу Гегеля».⁴⁹

И впоследствии Плеханов не раз выступал с критикой противников марксизма, которые пытались с целью дискредитации его поставить равенство между материалистической диалектикой и диалектикой идеалистической. Например, критикуя позицию Масарика в его книге «Философские и социологические основания марксизма», он писал: «Когда Маркс и Энгельс хвалили Фейербаха за то, что он „преодоле“ диалектику Гегеля, они имели в виду идеалистическую диалектику, к которой они с тех пор не переставали относиться отрицательно. А когда они защищали и рекомендовали диалектический метод, они имели в виду (и всегда ставили на вид читателям) материалистическую диалектику, оказавшую им такие огромные услуги в деле научного обоснования социализма. В этом нет решительно никакого противоречия».⁵⁰

В отличие от диалектики Гегеля, в основе которой лежат абсолютная идея, сверхиндивидуальное сознание, основание диалектики Маркса составляет природа. «В основе нашей диалектики, — писал Плеханов, — лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она упала бы, если бы суждено было пасть материализму».⁵¹

Гегель, указывая Плеханов, исследует диалектические формы сознания в оторванности от реального субъекта и природы. Маркс имеет в виду всегда диалектику действительности и отражение ее в сознании человека, живущего в обществе на той или иной ступени исторического развития. Диалектика всюду господствует в реальном мире. «Г-ну Михайловскому, — замечает Плеханов, — кажется непонятным это вечное и повсюдное господство диалектики; все из-

⁴⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 444.

⁵⁰ Там же, т. II, стр. 671.

⁵¹ Там же, т. III, стр. 83.

меняется, кроме законов диалектического движения, говорит он с ехидным скептицизмом. Да, это именно так, отвечаем мы, и если вас это удивляет, если вы хотите оспаривать этот взгляд, то помните, что вам придется оспаривать основную точку зрения современного естествознания».⁵²

Диалектический метод имеет универсальное значение. Он лежит в основе истинного исследования о природе и обществе. «Поскольку диалектика сама становится материалистической, — писал Плеханов, — как это мы видим у Маркса и Энгельса, она всецело представляет собой тот самый метод, которым пользуются современные науки о природе и обществе, — естествознание и социология. Но современные натуралисты и социологи чаще всего пользуются своим методом бессознательно и потому сами не имеют надлежащего понятия ни о нем самом, ни о его великом значении».⁵³ Диалектика имеет объективный характер. Как методу, отражающему действительность в развитии, ей чужд субъективный произвол. «Диалектика наших понятий объясняется только диалектикой внешней природы».⁵⁴

В борьбе с народниками Плеханов разоблачает их попытку превратить диалектику в схему, приписать ее содержанию априоризм при рассмотрении общественного развития. В этой связи он писал: «... диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает... он не указывает пути, общего и „обязательного“ для всех народов во всякое данное время... дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри его и... поэтому всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической „обязательности“, изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может показать, что „обязательно“ и что „необязательно“ для данного общества».⁵⁵

Диалектика исходит из действительных закономерных связей общества. Она противница субъективизма в объяснении явлений истории. Ей чужд произвол в анализе действительных фактов общественного развития. «Если все течет, все изменяется; — писал Плеханов, — если всякое явление само себя отрицает; если нет такого полезного учреждения, которое не стало бы, наконец, вредным, превратившись таким образом в свою собственную противоположность, то выходит... что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшим* для всех веков и народов: все хорошо на своем месте и в свое время. Диалектическое мышление исключало *всякие утопии*».⁵⁶

⁵² Там же, т. I, стр. 568 (прим.).

⁵³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 207.

⁵⁴ Там же, сб. V, стр. 131.

⁵⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 707—708.

⁵⁶ Там же, стр. 589.

Диалектический метод Плеханов рассматривал как современную теорию развития, применимую в тех или иных конкретных условиях ко всем областям человеческого знания. Следуя за Марксом и Энгельсом, он противопоставляет диалектический метод метафизическому. Характеризуя последний, Плеханов писал: «*Метафизик рассматривает и изучает вещи одну за другой и независимо одну от другой. Когда он испытывает потребность дать общую картину, то он рассматривает вещи в их *взаимодействии*; на этом он останавливается, не идет и не может идти дальше, так как вещи остаются для него отделенными пропастью друг от друга, так как он не имеет никакого представления об их развитии, которое объясняет как их происхождение, так и существующие между ними взаимоотношения*».⁵⁷

В своем анализе содержания диалектики в «Очерках по истории материализма» Плеханов выдвигает два момента, две стороны ее: «Итак:

«1) *Все конечное таково, что оно само себя снимает, переходит в свою противоположность. Этот переход совершается при помощи присущей каждому явлению природы; каждое явление содержит в себе силы, порождающие его противоположность.*

«2) *Постепенные количественные изменения данного содержания превращаются в конце концов в качественные различия. Моменты этого превращения — это моменты скачка, перерыв постепенности. Большое заблуждение думать, что природа или история не делает скачков*».⁵⁸

Как видно из этого итога, Плеханов в первом пункте объединяет закон отрицания и закон единства и борьбы противоположностей. Он не формулирует последнего закона как самостоятельного, хотя в своей характеристике диалектического развития говорит о его противоречивом характере во всех явлениях природы. Так, например, характеризуя содержание понятия развития, он говорит: «В данную минуту движущееся тело находится в данной точке, но в то же время находится и вне ее, потому что, если бы оно находилось только в ней, оно, по крайней мере на это мгновение, стало бы неподвижным. Всякое движение есть диалектический процесс, живое противоречие...».⁵⁹

В работах, направленных против метафизических взглядов народников, бернштейнцев и «легальных марксистов», Плеханов, не формулируя закона единства и борьбы противоположностей, анализирует его основное содержание. Исходя из того, что всем процессам свойственны противоречия, что явления превращаются в свою противоположность действием внутренне противоречивых сил, Плеханов писал: «...всякое явление *противоречиво* в том смы-

⁵⁷ Там же, т. II, стр. 134.

⁵⁸ Там же, стр. 132.

⁵⁹ Там же, т. I, стр. 567.

сле, что оно само из себя развивает те элементы, которые рано или поздно пошатнут его существование, превратят его в его собственную противоположность. Все течет, все изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить это вечное движение; нет силы, которая могла бы противиться диалектике явлений».⁶⁰

Подчеркивая внутреннюю связь содержания закона единства и борьбы противоположностей и закона отрицания отрицания, он поясняет: «Когда какое-нибудь явление само развивает те силы, которые рано или поздно пошатнут его существование, мы говорим, что оно само себя отрицает, что оно заключает в себе *противоречие*».⁶¹

Критикуя позицию народников в этом вопросе, он анализирует содержание и универсальность закона, приводит многочисленные примеры и, что важно, теоретически обосновывает его. Плеханов всегда в своем разъяснении этого закона и его фаз связывает процесс отрицания с содержанием закона единства и борьбы противоположностей, не отделяет его стороны (ступени развития, преемственность, диалектическое отрицание) от источника развития — возникновения, развития и преодоления противоречий. На эту важную сторону дела он обратил недостаточное внимание. Как известно, В. И. Ленин впоследствии теоретически разработал содержание закона единства и борьбы противоположностей как сути, ядра материалистической диалектики.

Заслугой Плеханова являются опровержение измышлений народников и прочих противников марксизма относительно закона отрицания отрицания и разъяснение его объективного содержания. Он подчеркивал, что этот закон ничего общего не имеет с гегелевской триадой, да и у Гегеля триада не исчерпывает его взглядов на развитие.

Анализируя содержание закона отрицания отрицания, Плеханов указывает на следующие его стороны: преемственную связь старого и нового, сохранение известных черт старого в новом, превращение явления в свою противоположность и прогрессивность развития.

Большое значение Плеханов придавал закону перехода количественных изменений в качественные и обратно. В этой связи он подверг серьезной и обоснованной критике эволюционистскую концепцию развития, которая получила широкое распространение в различных изданиях у позитивистов, в частности у народников в лице Михайловского и др.

Метафизической концепции постепенности развития он противопоставил марксистскую точку зрения, согласно которой суще-

⁶⁰ Там же, стр. 566—567.

⁶¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, стр. 129.

ствуует диалектическое единство постепенности и скачка в изменении окружающего нас мира. Плеханов подчеркивал, что действительность — природа и общество — на каждом шагу опровергает взгляды метафизиков, обнаруживая закономерность как постепенных изменений, так и скачков. В системе марксистского диалектического метода, по его мнению, есть место как для постепенности изменения, так и для скачков, внезапных изменений.

Обосновывая учение марксизма о скачках, он писал, полемизируя с Тихомировым, отрицавшим «внезапные катастрофы», «насильственные перевороты»: «На все запутанные рассуждения г. Тихомирова о „насильственных переворотах“ современные революционеры могут победоносно возразить одним простым вопросом: как же прикажете быть с теми переворотами, которые уже имели место в „действительной жизни“ и которые во всяком случае представляют собою „периоды разрушения“».⁶²

Рассматривая содержание этого диалектического закона, Плеханов указывал, что постепенные изменения переходят в качественные и что этот переход всегда связан со скачком. Эволюция и революция — это единство.

На многочисленных примерах Плеханов неопровержимо доказал правильность закона перехода количественных изменений в качественные. Этот закон ставился им на первый план. Возможно, это объяснялось тем, что Плеханову пришлось бороться с народниками и прочими противниками марксизма, которые заостряли главное внимание на отрицании революции в общественной жизни. В этом отношении показательна его брошюра «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова», в которой он с помощью закона перехода количественных изменений в качественные обосновывает марксистскую теорию революции и опровергает позицию ренегата Тихомирова.

Плеханов отмечает диалектическое единство постепенности и скачка в развитии: «Следовало бы сказать, что история не делает неподготовленных скачков. Ни один скачок не может иметь места без достаточной причины, которая заключается в предыдущем ходе общественного развития. Но так как это развитие никогда не останавливается в прогрессирующих обществах, то можно сказать, что история постоянно занимается подготовкой скачков и переворотов. Она прилежно и неуклонно делает это дело, она работает медленно, но результаты ее работы (скачки и политические катастрофы) неотвратимы и неизбежны».⁶³

В диалектике он видел средство обоснования практической деятельности рабочего класса. «Диалектический материализм, — подчеркивал Плеханов, — есть философия действия».⁶⁴

⁶² Там же, стр. 387.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 692.

Диалектика дает обоснование для социально-политических взглядов марксистов и их действий. «Противоречие, — писал Плеханов, — является силой, определяющей ход исторического или логического развития; борьба различных общественных элементов служит источником общественного прогресса. Социалисты-диалектики не боятся поэтому борьбы классов в современном обществе, напротив, к этой борьбе приурочиваются все их практические способы действий. Напротив, новейшие „эволюционисты“ с ужасом смотрят на борьбу классов, постоянно опасаясь, что она нарушит черепаший ход дорогих для них постепенных изменений и поведет к „ненаучным“ переворотам. Таким образом, называя метод Маркса и марксистов диалектическим, мы тем самым оттеняем революционную сторону их мирозерцания».⁶⁵

Исторической заслугой Плеханова является: 1) популяризация идей марксистской диалектики; 2) опровержение попыток противников марксизма отождествить материалистическую диалектику Маркса с идеалистической диалектикой Гегеля; 3) опровержение с помощью диалектики метафизических взглядов противников марксизма и обоснование экономических и политических проблем общественного развития России того времени.

Нельзя пройти мимо постановки Плехановым вопроса о соотношении диалектической и формальной логики и их содержания. Он справедливо подчеркивал, что марксисты не отрицают формальной логики, но отводят ей определенные пределы, она касается явлений, взятых изолированно, вне движения и изменений. Диалектическая логика выходит за эти элементарные рамки суждений о предметах, рассматривает явления в их изменении и развитии. «Диалектическое мышление, — разъяснял Плеханов, — не исключает также и метафизического, оно только отводит ему известные пределы, за которыми начинается царство диалектики».⁶⁶

В процессе изложения диалектики и ее законов Плеханов анализирует ряд категорий, например необходимость и случайность, форму и содержание, свободу и необходимость и др. Однако в целом диалектика как философская наука не получила у него своего творческого развития. Основное внимание он обращает на доказательство применимости материалистической диалектики к познанию явлений общественной жизни для ее революционного преобразования. Вопросам исторического материализма он поэтому уделяет большое внимание. Именно в этой составной части марксистской философии он сделал значительный шаг вперед.

⁶⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I, стр. 126.

⁶⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 697.